



МЁРТВАЯ ТИШИНА

УБЕДИСЬ В ТОМ, ЧТО ТЫ ЖИВ

ДЖЕЙН БИ.

Джейн Би.
**Мёртвая тишина. Убедись
В ТОМ, ЧТО ТЫ ЖИВ**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502910
ISBN 9785448536700*

Аннотация

В основу книги положена сложная психологическая проблема – темная сторона материнства. На эту тему редко говорят даже в кабинете психиатра. Но есть и те, кто даже если захочет, не сможет ничего сказать, те, кого лишают не только детства, но порой и самой жизни. Их удел – немое страдание и попытка выжить в сковывающих объятиях «мертвой» матери. Готов ли главный герой отступить от привычных понятий и окунуться в мир детской беспомощности и страха, чтобы спасти еще одну душу от неминуемой гибели?

Содержание

1	8
2	19
3	24
4	46
5	51
6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Мёртвая тишина

Убедись в том, что ты жив

Джейн Би.

«И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет».
Ветхий Завет, Книга Екклесиаста, 4:1.

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Джейн Би., 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3670-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Миссис Саммерсон, миссис Саммерсон, где вы? – экономка беспokoйно металась на заднем дворе огромного дома, задевая своей старомодной пышной юбкой кусты только что распустившихся пионов, над которыми активно трудилось семейство диких пчел.

Май в нынешнем году выдался особенно теплым и влаж-

ным. Дожди щедро поливали плодородные земли благополучной земли и пророчили небывалый урожай яблок и груш. Сад дышал ароматами плодовых деревьев и распустившихся весенних цветов. Деревья перешептывались, обсуждая вчерашнюю грозу, ее последствия и сожалели о старом дубе, которому не удалось пережить минувшую ночь. Когда-то он был статным великаном, служил уютным домом здешним певчим птицам, надежно укрывая их от капризов погоды и переменчивого в своем настроении ветра, ныне же, прогнивший от самых корней, он больше не смел надеяться на завтрашний день. Лесорубы, вызванные по случаю, запаздывали, и экономке пришлось идти в обход по давно заросшим тропинкам. Центральная дорожка, выложенная аккуратной садовой плиткой цвета мокрого речного камня, была перегорожена упавшим накануне деревом.

– Миссис Саммерсон! Девочку пора кормить и укладывать спать!.. И какой черт понес ее сюда одну, да еще и с ребенком, – то и дело ворчала она себе под нос. – Скользко, мокро, и неизвестно еще, все ли ветки успели попадать с верхушек, чего доброго, свалится на голову.

Протиснувшись между зарослями диких роз, облюбовавших заброшенную часть сада, она наконец разглядела знакомую фигуру своей хозяйки.

Волосы миссис Саммерсон, тщательно уложенные с утра, были растрепаны. Наброшенный прямо на ночную рубашку халат, отороченный по краям золотыми нитками, был по-

рван в нескольких местах, на ее бледном лбу ярким пятном красовалась царапина. Она не плакала, сидела чуть наклонившись вперед и не могла пошевелиться. Ее обветренные губы дрожали, а руки сжимали скомканное детское одеяльце. Экономка нашла ее сидящей на краю черной дыры, окольцованной каменной кладкой. Старый колодец, как незатянутая рана на вновь помолодевшем теле, напоминающая о былых, давно ушедших временах, разделяла сад на две части. Его давно собирались засыпать, но все никак не находилось времени. Сперва кончина старого хозяина (отца молодой хозяйки), затем ее скорая свадьба с молодым, подающим надежды доктором психиатрии, и, наконец, рождение долгожданного первенца. О колодце совсем забыли. До этого дня.

Ее голос хрипел, но она не спешила откашляться:

– Я... я... я... хотела попить... Она... Она выскользнула из рук... Господи... как же так... – наконец женщина разрыдалась.

– Миссис Саммерсон, что случилось? Лили, где Лили? – экономка растерянно оглядывалась по сторонам, пытаясь сообразить, куда ее хозяйка могла положить несчастное дитя, но все напрасно. На мокрой земле не было ничего, кроме слетевших ночью веток и листьев деревьев, окружавших место трагедии.

– Там, – женщина указала на черный круг колодца. На поверхности темной воды бледным пятнышком виднелось ма-

ленькое детское тельце.

Лили вчера исполнилось шесть месяцев.

Из записки, найденной в комнате миссис Саммерсон следующим утром:

«Исправить ничего нельзя. Я нужна ей, я это чувствую, я знаю, я должна быть хорошей матерью, я должна быть рядом с ней. Прости меня, Анри. Прощай, люблю тебя. Твоя Анжелика».

Тело миссис Саммерсон было найдено в том же колодце, где днем раньше утонула ее шестимесячная дочь.

1

– Что такое тишина? – Анна подняла глаза на доктора, и ее взгляд просветлел, но через минуту она снова погрузилась в глубины собственного сознания: – Наверное, это и есть смерть. Наверное, смерть – это тишина. И темнота. Абсолютная темнота и абсолютная тишина. – Доктор Сэм Хейли зашуршал бумагой, переворачивая страницу своего блокнота. Анна не обратила на это никакого внимания. – Представьте, что нет ни единого звука. Не слышен стук собственного сердца, не слышно дыхания... – глаза Анны сверкали, но не выражали никаких чувств или эмоций, только холодный стеклянный блеск. – Тишина без жизни – мертвая тишина.

Анна замолчала, минутная пауза, казалось, тянулась вечно, доктор продолжал что-то записывать в свой блокнот. Анна прервала паузу:

– Мне иногда хочется услышать именно эту тишину.

– Зачем? – наконец Сэм перебил ее. Он поднял голову, оторвавшись от своих записей, и попытался взглянуть в ее глаза, понять, о чем она думает и что имеет в виду. Просто делится своими мыслями, или в этом разговоре можно увидеть намек на суицидальное настроение?

Анна с первого дня была для него загадкой, как с профессиональной точки зрения, так и с человеческой. Она внушала ему какую-то робость, иногда он застывал под ее тяже-

лым каменным взглядом, ловя себя на мысли, что это крайне непрофессионально с его стороны. Он понимал, что ей нужна помощь, но предложить свою почему-то не решался, сам не зная причину своей нерешительности. Он трепетно выслушивал каждое ее слово, стараясь впитать ее чувства, но не понимал, что же с ней происходит, хотя прогресс с момента их первой встречи был очевидный. Анна хотя бы немного говорила с ним. Поначалу ему было трудно вытянуть из нее более или менее связные предложения, но теперь она говорила с ним, с каждым разом все больше приоткрывая дверь в темные глубины своего нездорового сознания.

Анна минуты две вглядывалась в пустоту, как будто пытаясь услышать ту самую тишину, и наконец почти шепотом произнесла:

– Мне хватило бы секунды, чтобы понять весь ужас этой тишины и всю ее красоту. Может, даже ощутить холод, – она подняла глаза. Странная улыбка чуть тронула уголки ее губ и тут же исчезла. – Мне почему-то кажется, что в этой тишине обязательно должно бы холодно, – Анна замолчала, снова о чем-то задумавшись.

Доктор нарушил тишину:

– Как поживает ваш ребенок? – тихо, будто боясь спугнуть притаившегося рядом дикого зверя, спросил он. – Вы все еще не хотите назвать ни его имя, ни хотя бы его пол?

– Имя... ребенок... Не важно... Каждую ночь я слышу крик, и этот крик сводит меня с ума, – в ее голосе промельк-

нула нотка некой злости и быстро исчезла, вернув ему прежнюю монотонность: – Я должна быть хорошей матерью, я должна заботиться... Ребенок – это все, что у меня есть... – она говорила сама с собой. Ее слова не были обращены к доктору, каждое слово звучало механически, голос все больше насыщался металлическим оттенком, как на старой записи. – Крик каждую ночь, и я не в силах успокоить. Я не могу помочь.

– А как вы справляетесь днем? Ребенок плачет днем? – доктор не унимался, за все время знакомства с Анной он так и не добился от нее внятного рассказа о ребенке, его описания или хотя бы имени. Она никогда не называла ребенка по имени, никогда не использовала местоимений, поэтому Сэм не мог понять, мальчик это или девочка. Ему так же было трудно судить о том, специально Анна держала все это в секрете или просто поддавалась таким образом влиянию заболевания.

– Днем? – переспросила Анна сама себя. – Днем... не знаю, днем... день... Мама... скоро придет мама, – она бормотала эти слова как бред. – Мама... И нам станет легче... Днем... днем... День, новый день... Скоро все изменится... – продолжала бормотать Анна, но ответа на вопрос так и не последовало.

Часы пробили два пополудни. Доктор сделал очередную пометку в своем блокноте и с сожалением посмотрел в сторону Анны, но не решился встретиться с ней взглядом.

– Наша встреча на сегодня подошла к концу. Вы не могли бы прийти еще раз на этой неделе, мне бы хотелось поговорить подробней о тишине, я думаю, тишина, впрочем, не важно, что думаю я. Назначьте, пожалуйста, удобное для вас время с моим секретарем. Всего вам доброго, Анна, – он мягко улыбнулся и поспешил к своему рабочему столу, украдкой заглянув в ее глаза.

Ему нравились ее глаза – красивые, глубокие, грустные, он хотел бы в них утонуть и не возвращаться больше на скучную поверхность реальности, но мог лишь слегка окунуться каждый раз, когда ему удавалось пробиться за стеклянную стену ее невозмутимого взгляда. В редкие моменты, как ему казалось, улучшения ее состояния он испытывал странное удовольствие, встречая взгляд Анны, даже несмотря на то, что тот был наполнен больше чем просто грустью. За налетом банальной грусти доктор сумел разглядеть нотки отчаяния, давно поселившегося в ее душе и не желавшего расставаться со своим уютным жилищем.

Сэм старался разобраться в ее проблеме, пытался понять, но Анна была для него как наваждение, как призрак, мечущийся между двумя мирами – миром реальным с живыми людьми и их ежедневными проблемами и переживаниями и миром болезненных грез с его жестокими, страшными видениями и глухим шепотом миллионов душ, так и не нашедших покоя. Сэм ловил себя иногда на мысли, что он, возможно, был бы рад узнать Анну чуть ближе, может быть, тогда

стеклянная стена треснула бы, постепенно начала осыпаться, давая возможность узнать ее настоящую, посмотреть на нее в жизни, не будь она одной из его пациенток и не будь она настолько больна. Он искренне ее жалел, не брал с нее денег за свои услуги, ссылаясь на свое исследование. Сэм проникся к ней всей душой. Каждая встреча наполняла его все большими сомнениями по поводу ее заболевания, диагноза, который он поставил, и выбранных методов лечения.

– Да, конечно, тишина... Это важно? – переспросила Анна сама себя. – Я приду. Спасибо, доктор, – она вышла из кабинета, осторожно прикрыла за собой дверь и направилась к секретарскому столу.

– И не забудь закрыть окно, когда будешь уходить, сегодня обещали шторм. Подожди секунду, можешь подождать? Да, сейчас, – Джина, секретарь доктора, ворковала по телефону со своим новым бойфрендом, третьим за последний год. Она не была особо разборчива в мужчинах, наверное, все дело в ее неброской внешности и не особо остром уме, но Джина была вполне счастлива, несмотря на то, что ей шел тридцать шестой год, а она была не замужем и без детей.

Джина была небольшого роста, ее темные короткие, всегда чуть включенные волосы давно выцвели, и ей приходилось красить их не реже двух раз в месяц, чтобы не быть похожей на маленькую облезлую обезьянку. Чуть вздернутый, но вполне аккуратный носик служил главным украшением ее лица, а маленькая черная родинка чуть ниже внешнего угол-

ка правого глаза придавала ему легкую пикантность. Неумелый макияж ничего не подчеркивал и ничего не скрывал, его могло бы и не быть вовсе. Она не страдала от лишнего веса и вполне сносно одевалась, не имея особого желания и возможности следовать моде.

– Как всегда на вторник, на час дня, мисс Анна? – обратилась она к Анне, ненадолго прервав свой телефонный разговор.

– Пятница, доктор хочет меня видеть еще раз на этой неделе. Как насчет пятницы во второй половине дня, как можно позже, не хочется отпрашиваться с работы, – Анна стояла у стола Джины, кутаясь в свою темно-серую кофту, не по погоде теплую, опустив голову вниз, рассматривала серую рябь коврового покрытия.

– Пятница, самое позднее 16:30, подойдет?

– Вполне, спасибо, увидимся в пятницу, – Анна учтиво кивнула, постаралась выдать из себя подобие улыбки и, не поднимая головы, направилась в сторону выхода. «Тишина – это важно», – бормотала она себе под нос, не отрывая взгляда от пола.

Анна одевалась скромно, но со вкусом, она была среднего роста, симпатичная, даже можно сказать красивая, ненатуральная блондинка. Анна, несмотря ни на что, была красива. Она почти не пользовалась косметикой, но стоило ей нанести макияж, это случалось всего несколько раз, она превращалась в яркую интересную девушку, притягивающую взгляды

не только похотливых мужчин, но и завистливых женщин.

Подойдя к лифту, Анна обнаружила у себя маленькую фигурку, которую она вертела в руках во время сеанса, одну из тех уродливых фигурок, заполнявших пару полок в кабинете доктора.

Сэм не отличался хорошим вкусом и собирал всякую ерунду, заполняя ею пространство своего просторного кабинета. Эти фигурки достались ему на День благодарения в прошлом году, их подарила его тетушка Дарел. Обычно она дарила что-то полезное и нужное для дома, не оставляя надежду на то, что Сэм рано или поздно снова женится, а последний раз привезла в подарок набор странных фигурок. Не больше четырех сантиметров в высоту, керамические, покрытые гладкой краской темного зелено-серого грязного цвета, фигурки изображали странных животных, похожих на животных с детских рисунков, несуразные, пугающие.

В руках у Анны была фигурка, напоминающая то ли собаку с костью, то ли зайца. Уши были длинными, но морда не заячья, а скорее бульдожья, лапы гончей, стройные и длинные, и тело слишком грузное для таких тонких ног. Если бы животное с такими пропорциями существовало в действительности, оно не смогло бы передвигаться: лапы сломались бы под тяжестью собственного тела и головы.. Но, к счастью, это была просто чья-то фантазия. Анне казалось, что она уже видела этого странного зверя, может быть,

во сне, а может, это ей просто казалось.

Она поспешно засунула фигурку в свою сумку и нажала на кнопку вызова лифта. Ей было все равно, обнаружит ли доктор пропажу и что о ней подумает. Анна решила, что незаметно поставит фигурку на место в пятницу, когда снова придет на прием. Двери лифта открылись, и из него вышла пожилая, аккуратно одетая дама. Она учтиво кивнула Анне и проследовала в приемную к доктору. Анна, на какое-то время потерявшая связь с реальностью, погружившись в глубины своего сознания, вздрогнула и постаралась улыбнуться в ответ. За старушкой уже закрылась дверь приемной доктора, а Анна все еще стояла между дверями лифта. Наконец она окончательно пришла в себя и вошла в лифт, позволив дверям закрыться, и тот стремительно доставил ее на цокольный этаж в холл.

Анна вышла из здания и направилась к парковке за углом. Она шла медленно, стараясь не пропустить свою машину. Она еще не успела привыкнуть к своему новому средству передвижения. Ее старенький «Форд-Лазер» 1986 года выпуска окончательно отказался от выполнения своих обязанностей и «вышел на пенсию», по сему «торжественному» случаю Анне пришлось приобрести другой, чуть менее старый и все еще готовый к трудовым будням автомобиль. Она помнила, что припарковалась где-то в третьем ряду, если считать от офисного центра, но где точно, вспомнить не могла, а поскольку машина была достаточно старой и дешевой, ни-

кто не позаботился о том, чтобы установить на ней электронный центральный замок. Наконец, Анна нашла свой «новый» старенький «Форд-Фокус» 1999 года, неприглядного серого цвета и с потертым правым крылом. С минуту она покопалась в сумке, достала связку с ключами и нечаянно уронила ее. Звякнув, ключи шлепнулись на горячий асфальт. Анна наклонилась их поднять и вдруг почувствовала сильное головокружение. Она присела на бордюр рядом с машиной и, оперевшись на согнутые колени, подперла голову руками, ей показалось, что по телу пробежал легкий озноб. Анна просидела так несколько минут, потом собралась с силами, встала и открыла машину. Оказавшись внутри, Анна немного расслабилась. Она чувствовала себя наиболее спокойно и безопасно только находясь наедине с собой, подальше от посторонних глаз.

Окончательно отдышавшись, она повернула ключ зажигания – нужно было вернуться на работу вовремя.

Дорога от здания, в котором располагалась компания ее работодателя, до офиса доктора занимала примерно пятнадцать минут по тихим улочкам, спрятанным между деревьями старого центра города. Проезжая мимо, Анна разглядывала дорогие дома и представляла жизнь их обитателей. Вот отец семейства приходит с работы, паркует свой шикарный автомобиль в гараже, и вся семья выходит в холл встречать любимого папу: жена, нарядно одетая, даже дома при полном параде, и маленькие непоседливые «плоды любви» обоих за-

ботливых родителей. Они все красивые, опрятные, очень хорошо одеты и непременно счастливы. В доме пахнет вкусной едой и только что испеченным яблочным пирогом. Дети, перебывая друг друга, стараются наперегонки рассказать отцу о своих сегодняшних достижениях в учебе и спорте. Анне казалось, что дети, которые живут в таких красивых домах, непременно должны быть идеальными, они успевают все, занимаются спортом и музыкой, а еще они точно умеют красиво рисовать и сочинять вполне приличные стихи, которые декламируют на семейных мероприятиях, заставляя родителей гордиться собой.

Анна была абсолютно уверена, что всемирно известные гении и спортивные чемпионы рождаются и вырастают именно в таких вот домах, в подобных идеальных семьях, а потом, когда достигают своих высот, остепеняются и заводят такую же чудо-семью, похожую на ту, в которой им посчастливилось родиться и вырасти. Анне казалось, что мир счастья – это какой-то другой мир, существующий так близко и в то же время так далеко, как будто в параллельной реальности. Ей так хотелось хоть раз испытать это чувство беспредельного и безмятежного счастья, которое она рисовала себе в мечтах, проезжая мимо дорогих домов. Ей хотелось хоть на несколько минут оказаться той самой матерью счастливого семейства, покорно ожидающей своего обожаемого супруга на пороге дома, ощутить тепло и спокойствие, почувствовать себя любимой и защищенной, но дорога быстро

уводила ее из «страны грез», и Анна возвращалась в реальность, каждый раз ощущая едкую горечь безнадежности.

2

– Заткнись! Чего тебе еще надо? Да заткнись же ты наконец! Сколько можно орать? – комнату пронзил истеричный женский крик, но он терялся на фоне детского плача. Ребенок плакал уже почти час, и плач перерос в хриплый рев. Казалось, что голоса звенят, отражаясь от стен полупустой комнаты. Удивительное терпение соседей или просто нежелание взваливать чужие проблемы на свои плечи?

– Что ты хочешь? Ты издеваешься надо мной! – женщина визжала от неуправляемой ярости. Вдруг она резко сменила тон на любящий: – Давай я тебя накормлю, вот смотри, бутылочка, давай поешь, мы давно не кушали.

Ее терпения хватило ненадолго. Она грубо схватила ребенка дрожащими руками и попыталась его накормить, но ребенок отчаянно не желал есть и продолжал орать, его кожа становилась все краснее, слез не было, только глухой младенческий крик, разрывающий маленькое неокрепшее тельце.

Она бросила ребенка на кровать и вышла из комнаты. Немного успокоившись, вернулась. Взяла ревуший комочек на руки, прижала к себе и расплакалась. Она пыталась передать все остатки своего материнского тепла ребенку, возможно, он это почувствовал и стал понемногу замолкать.

– Ну вот, видишь, все хорошо. Ты, наверное, очень голо-

ден, давай поедим.

Она снова попыталась накормить ребенка бутылочкой со смесью, в этот раз ей удалось. Малыш открыл крошечный рот и начал сосать молоко, постепенно засыпая, наконец совсем сдался и мирно засопел.

Она бережно положила его в детскую кроватку, ее руки все еще дрожали, а слезы на глазах не успели высохнуть. Она замерла и несколько минут стояла неподвижно, почти что затаив дыхание, наблюдая садкий сон своего дитя, потом улыбнулась и накрыла ребенка маленьким детским одеяльцем – голубым с розовым узором. Ее взгляд прояснился, дыхание выровнялось, а мелкая дрожь наконец отступила и оставила ее руки в покое. Опустившись на пол рядом с кроваткой, она глубоко вздохнула.

Воцарившийся покой был нарушен дерзким вторжением. Она вскрикнула и резко вскочила с пола на кровать. Огромный черный таракан протиснулся в щель между стеной и оконной рамой и уверенно подбирался к пеленальному столу. Ее снова затрясло. Она медленно спустилась с кровати на пол, ни на секунду не выпуская из поля зрения незваного гостя, взяла упаковку детских влажных салфеток и, точно рассчитав траекторию, одним движением оказалась рядом с тараканом и прихлопнула его тяжелой упаковкой салфеток. Отдышавшись несколько секунд, она достала одну салфетку и сгребла в нее останки чудовища, осторожно приподняв орудие недавнего убийства. Женщина приоткрыла окно

и выкинула салфетку с тараканом на улицу.

– Вот так тебе, сволочь! Иди откуда пришел! – ее глаза снова заблестели от наворачивающихся слез. Она вернулась к кроватке с младенцем, убедилась в том, что тот спит, и поправила одеяльце. Слезы снова покатались по ее щекам. Она медленно сползла на пол между детской и своей кроватями, ее взгляд помутнел, она быстро шептала себе под нос: «Разве я этого хотела... разве я об этом мечтала... Я не хотела так... только не так... Я не хотела... я не хочу... Прости меня». Через несколько минут шепот сменился тихим ровным голосом с металлическим оттенком: «Я должна быть хорошей матерью, я должна заботиться о тебе... я должна...» И снова шепот: «Господи... я ненавижу тебя...» Слезы душили ее, не давая выговорить больше ни слова. Скоро тихий голос вернулся, она спокойным тоном проговорила, обращаясь в пустоту серой картины за маленьким грязным окном, ютившимся напротив кроватей: «Все хорошо... все хорошо. Все хорошо». Она все еще сидела на полу, прижав колени к груди, закусив верхнюю губу и мерно покачиваясь.

В комнате было холодно. Как бы она ни затыкала щели в старых разошедшихся рамах, морозный воздух все равно находил возможность проникнуть и внести нотку «свежести» в унылое существование жильцов. Нынешняя зима отличалась низкой температурой. Слишком низкой для этого региона. Снега не было, но по утрам замерзали лужи и леденели ступеньки около ее дома. Теплой одежды ни у нее, ни у ре-

бенка не было, оба переживали особо холодные дни, кутаясь в потрепанные одеяла. В любом случае особого желания выходить на улицу у нее не было, тем более что свежего воздуха и так вполне хватало.

Ей было трудно содержать даже эту обычную дешевую квартиру с одной спальней и очень маленькой гостиной, совмещенной с крохотной кухней. Места им хватало, но ей часто казалось, что она задыхается в этих пропитанных сыростью, никогда не просыхающих стенах. Она понимала, что ребенку должно быть вредно дышать таким воздухом, но лучшего они себе сейчас позволить не могли. Отопление очень громко включалось и шумело до тех пор, пока помещение не нагревалось до выставленной на термостате температуры. Ей пришлось кутать термостат, чтобы не расходовать слишком много энергии, воздух в помещении все равно не прогревался до нужной температуры. К шуму она уже привыкла и не обращала на это внимания. Она взглянула на часы на стене, было поздно, нужно успеть поспать хотя бы пару часов, пока спит ребенок. Скоро он проснется и снова будет что-нибудь требовать, мысль об этом давила ее. Она расстелила постель и, скинув теплый халат на стоящий у кровати стул, быстро нырнула под холодное одеяло. Мысли не давали ей покоя. Воспоминания о давно ушедших днях, потерянных мечтах и забытых надеждах сверлили ее изнутри, оставляя незатягивающиеся ранки. Если бы можно было представить человеческую душу в виде чистого ли-

ста, то ее лист был бы полностью исколот толстыми иголками непокорной судьбы, но, несмотря на это, все еще достаточно светлым. Сон не шел, она ворочалась с бока на бок, переминая под собой старый бугристый матрас. Он то и дело поскрипывал под весом ее тщедушного тела. Она прислушивалась к дыханию спящего в своей кроватки младенца. Постепенно ее тело согрелось и расслабилось, а мысли начали путаться, смешиваясь с тревожными сновидениями.

Она должна быть хорошей матерью... Она должна...

Нужно хоть немного отдохнуть, завтра будет много работы, надо чем-то платить за жилье, еду и счета. Наконец она окончательно сдалась и погрузилась в глубокий сон. Ребенок, вымотанный накануне продолжительной истерикой, не просыпался почти всю ночь.

3

Район, в котором находился дом тетушки Сэма – Дарел, когда-то считался окраиной города. Чистый, тихий, с гладко выстриженными газонами у аккуратных маленьких домов, фасады которых всегда ярко украшались к праздникам, особенно ко Дню независимости и Рождеству.

Доктор Сэм Хейли – высокий, темноволосый джентльмен с красивыми, чуть раскосыми карими глазами и манящей таинственной грустью улыбкой – припарковал свой «Мини Купер» у дороги, поскольку во дворе стоял грузовик. Несколько человек суетились вокруг дивана. Сэм с грустью посмотрел на старый диван темно-лилового цвета. Он вспомнил, как они вместе с тетушкой Дарел ездили на распродажу выбирать диван, как она прилипла к продавцу, выпрашивая тридцатипроцентную скидку, а тот ни в какую не соглашался, но она отказывалась сдаваться и ходила за ним по всему павильону, распугивая других потенциальных клиентов своей грустной, почти что плачущей физиономией. В конце концов продавец сдался и оформил для них скидку как для работников магазина. Тетушка была на седьмом небе от счастья. Сэм никогда не понимал ее вкусовых предпочтений, вот и в тот раз она не удивила, выбрав диван темно-лилового цвета, хотя стены в ее гостиной были светло-голубые.

Он изредка подшучивал над ее манерой одеваться, но она

не обращала на это никакого внимания, тем более что его шуточки ни в коей степени не были обидными, скорее, их можно было принять за комплимент. Сэм бы никогда не позволил себе обидеть тетушку, заменившую ему обоих родителей. Сразу после катастрофы, разделившей жизнь обоих на «до» и «после», тетушка решила оставить попытки устроить свою личную жизнь и посвятила всю себя воспитанию Сэма. Она бережно хранила воспоминания о своей сестре – матери Сэма, понимая, насколько это должно быть важно для осиротевшего мальчугана. Ему тогда было всего пять, ей тридцать восемь, своих детей у нее не было, она вообще мало что понимала в родительстве и всегда мечтала путешествовать, но и эту мечту ей пришлось на время отложить.

Сэм подошел к дому со стороны гаража. Когда-то в нем стоял старенький «Форд» пикап, в детстве Сэм мечтал о том, что, когда вырастет, купит себе нечто подобное. Ему нравилась двухместная кабина и довольно вместительный открытый багажник, в котором тетушка возила краски и инструменты, она была художницей и зарабатывала в основном росписью стен в частных домах. После появления в ее жизни Сэма тетушке пришлось найти постоянную работу, но она никогда не отказывалась от любой, даже самой непростой халтуры. Она помнила, как сестра мечтала о том, что ее сын вырастет и станет выдающимся ученым, неважно в какой из наук. Главным для нее было дать ему образование, которое они с сестрой не смогли себе позволить.

Сэм вошел в дом, споткнувшись об оставленный на пороге чемодан. Тетушка – пожилая, чуть полноватая, очень миловидная женщина – расцеловала его и, усадив за стол, поставила перед ним тарелку с несколькими кусками своего фирменного пирога с курицей.

– Пирог сегодня особенно удался! Спасибо тебе за все. Я даже не представляю, как буду справляться один, – Сэму было действительно жаль расставаться со своей тетушкой.

– Не преувеличивай, Сэм! Я имею в виду не пирог, он действительно удался, – тетушка звонко рассмеялась. – Мы и так почти не видимся. Ты все время проводишь на работе, а до старой зануды тебе и дела нет.

– Это не так, ты же знаешь, – перебил ее Сэм, жуя и то и дело роняя крошки на чистые брюки.

– Так и не порадовал старую тетку.

– Опять ты за свое?

– Да, опять! И не сдамся! Нужно уметь переступить через прошлое и двигаться дальше! Даже издалека я буду докучать тебе своими надеждами. Ты должен отпустить прошлое. Ради своего будущего, – Дарел широко улыбнулась, подошла и обняла Сэма сзади за плечи. Потом тихо шепнула: – Никогда не говори никогда. Я вот тоже думала в свое время, что никогда, а вот видишь, как жизнь повернулась. Ты не Господь, хотя я уверена, что и у него нет окончательного плана ни на кого из нас. Все в наших руках. А твое счастье в твоих руках, – тетушка вернулась к плите и налила Сэму еще какао.

– Моя дорогая, как же ты не понимаешь, я и так счастлив! – Сэм многозначительно посмотрел на Дарел, но его взгляд не произвел желаемого эффекта.

– Ну конечно, счастлив, никто не сомневается. Просто мог бы и о тетке подумать. Вот приходится уезжать отсюда, совсем дела себе не найти, а были бы внуки, так разве я бы решилась, да еще так далеко! – тетушка взмахнула руками и глубоко вздохнула.

– Мне казалось, что эту тему мы давно уже закрыли, – Сэм не поднимая головы работал над пирогом.

– Закрыли. А почему бы не открыть снова? Пока еще не поздно, – тетушка Дарел стояла у плиты, опершись о кухонный шкаф и не унималась: – И черт с ними, с деньгами, потраченными на билет, авиакомпания вернет половину.

– Не говори ерунды!

– Вернут, вернут, я узнавала.

– Зря только время потратила, мы же давно все обсудили.

– Мы все тяжело пережили случившееся, но все еще может наладиться, и я все равно не понимаю, даже если ты не хочешь рисковать снова, хотя бы жениться ты можешь?

– Дарел, пожалуйста. Не сейчас.

– А больше случая уже не представится.

– Может, оно и к лучшему, – Сэм улыбнулся. – Ты, конечно, понимаешь, что я сейчас пошутил.

– Шутник тоже мне. Чем тебе не понравилась Трейси? Такая милая девушка, и сынок у нее просто чудесный, – Дарел

закатила глаза. – Могли бы жить как люди. Она по крайней мере позаботилась бы о тебе.

– Я сам в состоянии о себе позаботиться, – Сэм отвечал спокойно, этот разговор о женитьбе и потомстве тетушка заводи́ла каждый раз, он уже привык и знал все ее выпады и аргументы.

– Кстати, она заходила ко мне вчера и передавала тебе привет, – не унималась Дарел, – ты ей понравился, в общем-то.

– Хм... В общем-то? – Сэм ухмыльнулся.

– Ну да, ее немного смутили разговоры об обездоленных и нищих и твоя позиция по этому поводу, но в целом ты ей понравился.

– Хорошо. Я рад, что могу еще нравиться женщинам «уровня» Трейси. Жаль только, что не могу ответить им взаимностью, – Сэм, как всегда при обсуждении с Дарел своей личной жизни, перешел на полушутливый тон.

– Ну конечно! Тебя здоровые и состоятельные женщины как-то не интересуют. Куда интересней проводить время с твоими подопечными, – тетушка не имела ничего против того, чем в свободное от работы время занимался доктор, но ей казалось, что в этом и есть причина его одиночества.

– Конечно, интересней, – Сэм продолжал отвечать в полушутливом тоне. – Вот что интересного в Трейси?

– Да много чего. Она яркая разносторонняя личность.

– Личность? А что по-твоему делает ее личностью?

– Ну, не знаю, она просто личность, и все.

– Просто личность? Интересно. Давай поближе ее рассмотрим.

– Не начинай!

– Ну ты же сама начала! Так вот, при ближайшем рассмотрении Трейси я не только не нахожу в ней личности, но и более того, вижу абсолютную посредственность, не способную мыслить самостоятельно. Даже при выборе воды, – казалось бы, вода, просто вода, главное, чтобы была чистой, так нет, – даже здесь ей потребовался совет специалиста!

– А что тут такого? Она просто старается дать своему сыну лучшее, тем более что средства позволяют.

– Лучшее что? Что для ребенка есть это лучшее? Ты думаешь, ему есть дело до того, какой марки воду он пьет? Или какого цвета на нем шортики, а может, он в восторге от того, как сидит на его маленькой головке эта чудовищная неудобная шапочка, которая стягивает его бедную голову весь злополучный вечер?

– Вполне симпатичная шапочка. И она ему действительно идет, – попыталась возразить тетушка.

– Я не спорю, что шапочка вполне себе ничего, если рассматривать ее как отдельный предмет, отдельный от головы несчастного ребенка, вынужденного ее носить по прихоти полоумной мамыши. Ты видела его лицо? Ты обратила внимание на этот усталый взгляд?

– По-моему, все с ним было в порядке! И вел он себя про-

сто изумительно для его-то возраста.

– Он смотрел на нас таким измученным, усталым взглядом. Он ждал, когда этот визит закончится, и он наконец сможет избавиться от ненавистного, причиняющего боль и неудобства предмета своего туалета. Все, чего тогда хотел этот трехлетний мальчик, это снять чертову шапку и пойти поиграть на улице, а не ходить по струнке и не изображать из себя идеальное создание на радость вздорной мамаше.

– Она мать! И ей лучше знать, что для ее сына хорошо! – возмутилась тетушка. – Я хоть и не рожала тебя сама, но воспитывала и всегда знала, что и как для тебя было лучше! – чуть обиженным тоном протараторила Дарел.

– Дорогая моя Дарел, любимая моя тетушка, – доктор поднялся со своего стула, подошел к тетушке и, приобняв ее, чмокнул старушку в лоб, – мы не говорим сейчас о тебе и обо мне, но если хочешь, то знай, я всегда понимал груз ответственности, свалившийся на тебя с моим появлением, и старался доставлять тебе как можно меньше хлопот.

– Да, – тетушка почти прослезилась, – ты всегда был хорошим мальчиком. Я так рада, что ты у меня есть! Господи, прости, конечно, я не имею в виду, что рада гибели сестры, ты понимаешь. Я, конечно, не смогла дать тебе всего самого лучшего, но я, видит Бог, я старалась, я... – она запнулась и решила не продолжать. Комок, подступивший к горлу, душил любую ее попытку вымолвить слово.

– Я понимаю. Не волнуйся так. Все в порядке, – Сэм чуть

наклонился и заглянул тетушке в глаза. – Я очень тебя люблю и благодарен тебе за каждую минуту, выкроенную для меня. И кстати, я рад тому, что у нас не было много денег и что каких-то вещей мы себе не могли позволить. Иногда чем хуже, тем лучше.

– Не знаю, может, ты и прав, – тетушка взяла себя в руки и улыбнулась. – Ты у нас доктор, тебе видней.

– Ладно, давай не будем спорить. Лучше поговорим о чем-нибудь хорошем.

– Да, согласна. Не время ругаться и выяснять, кто прав. Ну ладно, доедай. Я заверну тебе остаток пирога с собой.

Тетушка Дарел достала из кухонного ящика фольгу и бережно завернула остатки пирога.

– Если что, ты всегда можешь присоединиться к нам.

– Жизнь как курорт? Конечно, привлекательно, но я пока не готов уходить на покой.

Сэм сделал глоток остывающего какао и старательно доел все крошки, остававшиеся на тарелке.

– Хочешь, я сам отвезу тебя в аэропорт?

– Не беспокойся, мой милый! Френк за мной заедет, нам есть о чем поболтать в дороге напоследок, – она широко улыбалась, но глаза выдавали грусть.

Тетушке было грустно не потому, что уезжает, и скорее всего навсегда, она грустила о прошлом. О том, что прошло и что уже никогда не вернется. Она любила этот дом, свою маленькую кухню, уютную, пусть и нелепо оформленную, го-

стиную, своих соседей, большинство из которых жили здесь с самого детства, так же, как и она сама. Ее тоже любили – за простоту, прямоту и неиссякаемую жизненную энергию, которой она щедро делилась с любым, кто испытывал в ней нужду.

Любила Дарел и этот город, и этого когда-то мальчугана, а теперь солидного мужчину, успешного психиатра, которому подарила всю свою любовь и заботу. Теперь ей не хотелось быть ему обузой, и она решила провести остаток жизни на райском острове Гоа на юго-западе Индии вместе со своей лучшей подругой Минни и группой таких же «независимых» пожилых людей. Ее ждали долгий перелет и беззаботная жизнь на берегу Аравийского моря. Возможно, когда-нибудь доктор присоединится к ней, но это маловероятно.

– Ну все, мне пора, – Сэм встал из-за стола, стряхнул крошки с чуть помятых брюк, взял из рук тетушки заботливо приготовленный сверток с пирогом, обнял ее и направился к двери. – Не могу поверить, что прощаюсь с тобой, – он обернулся и, чуть опустив голову, тихо сказал: – Я тебя люблю.

– И я тебя, мой мальчик, не грусти, – она подошла к нему, нежно поцеловала его в лоб и улыбнулась, смахивая предательскую слезинку со щеки. – Ну все, топай, а то опоздаешь.

Сэм вышел из дома, в котором вырос, чтобы уже никогда сюда не вернуться. Ему было не по себе, томящее чувство надвигающегося несчастья не давало ему покоя уже несколь-

ко дней, но понять его природу Сэму никак не удавалось. Он только что расстался с единственным родным человеком и был уверен, что это навсегда, но не данное обстоятельство терзало его душу. Он почему-то был твердо уверен, что с тетушкой все будет в порядке, даже был рад, что она наконец-то готова отпустить его и оторваться от обязательств, снова обрести легкость независимости и свободы от обстоятельств, исполнить мечту, оставленную больше тридцати лет назад ради благополучия Сэма, и отправиться в далекие страны, чтобы никогда уже не возвращаться на родную землю.

Все, что было дорого ее сердцу и памяти, уместилось в маленьком старомодном чемоданчике. Она купила его за несколько дней до постигшего их семью горя, собираясь в дальние страны вместе со своим бойфрендом, который клялся ей в любви и верности до конца дней и который с легкостью поднялся по трапу самолета, оставив Дарел наедине с ее несчастьем и горой проблем, свалившихся на нее вместе с неожиданным родительством.

Дарел никогда не жалела о сделанном выборе, она любила Сэма как собственного сына и постаралась заполнить пустоту, образовавшуюся в его душе после утраты обоих родителей настолько, насколько это было возможно. Несмотря на свой возраст, Сэм понимал, как трудно его тетушке дается забота о нем, и с малых лет старался помогать ей во всем – от банального мытья посуды до попытки заработать деньги.

Он брался за любую работу, не забывая при этом об учебе. Его ежедневный распорядок дня вплоть до окончания школы был примерно одинаковым. После уроков, бодро прыгнув со ступенек школьного автобуса, он сломя голову несся домой и первым делом садился за выполнение домашнего задания, если таковое имелось, затем наскоро перекусывал тем, что было в холодильнике, и спешил на «заработки». Соседи жалели сироту Сэма и старались найти для него хоть какую-нибудь подработку, если ни в своих домах, то рекомендовали его своим друзьям и знакомым.

Так у Сэма всегда было полно дел, с которыми он справлялся быстро и качественно. Кому-то требовалось подстричь газон, кому-то убрать мусор с заднего двора, а кому-то и вообще сходить в магазин за лишним галлоном молока. Сэм никогда не опаздывал и проявлял должное уважение к своим работодателям, что очень нравилось последним, и его приглашали снова и снова, давая возможность заработать лишнюю копейку. Все деньги, которые Сэм приносил тетушке Дарел, ежедневно деловито вытряхивая карманы и гордой улыбаясь, она откладывала на специально открытый сберегательный счет на его учебу и старалась сама пополнять его время от времени, если удавалось сэкономить пару лишних долларов.

Каждый вечер, возвращаясь с работы, Сэм обычно делился с тетушкой своими впечатлениями, переживаниями и эмоциями, пережитыми за день, они сидели на крыльце

с кружками горячего какао и беседовали обо всем, что приходило им в голову. С возрастом Сэм начал задавать вопросы, на которые Дарел было все труднее отвечать, но она не сдавала позиций авторитетного собеседника и часто тайком читала книги на темы, интересующие Сэма на тот момент, поэтому всегда находила, что ему ответить, а Сэм с интересом слушал истории, пересказываемые тетушкой на свой манер.

Так год за годом проходило время, Сэм вырослел, менял круг интересов и предпочтений, обзаводился новыми знакомыми и расставался со старыми, влюблялся в сверстниц и барышень постарше, но не пользовался успехом ни у тех ни у других, несмотря на привлекательную внешность. В итоге, не добившись особо успехов у противоположного пола и потерпев пару оглушительных фиаско публично, решил посвятить всего себя учебе и работе, вот только с выбором окончательной профессии никак не мог определиться. Ему всегда хотелось помогать людям, он мечтал спасти жизни и подумывал стать хирургом или врачом скорой помощи, горячо рассуждал о том, что вовремя оказанная квалифицированная помощь так важна, и если бы тогда... – он всегда замолкал на этом моменте, но тетушке и так было понятно, что он имел в виду.

Если бы тогда прибывший на место первым врач скорой помощи вовремя сумел распознать скрытую рану, то его мать не потеряла бы столько крови и могла бы остаться в жи-

вых, но этого не случилось, и Сэму потребовалось много лет, чтобы с этим смириться.

Школьные годы пролетали, и подходило время выбора дальнейшего пути. Сэм знал только, что хочет стать врачом, и приложил немалые усилия для того, чтобы поступить в колледж. Тетушка скопила к тому моменту необходимую сумму, добавив к ежедневным сбережениям деньги, вырученные от продажи имущества погибшей сестры, и свою долю скромного наследства, оставленного небогатыми родителями, общей суммы хватило на оплату обучения. Однако ни во время учебы в колледже, ни в интернатуре он долгое время не мог определиться со специализацией, пока трагический случай с одной из студенток не заставил его задуматься о том, что очень часто можно предотвратить беду. Он решил для себя, для того чтобы спасти жизни, вовсе необязательно ждать, когда случится непоправимое и смерть встанет за спиной колдуна-врача, скрестив свои костлявые пальцы на удачу.

Самоубийство лучшей студентки третьего курса престижной медицинской школы и одной из самых красивых девушек, которых Сэму доводилось встречать в своей жизни, произвело на него неизгладимое впечатление, он окончательно утвердился в выборе специализации и продолжил учебу и практику уже в области психиатрических наук.

Через несколько лет лицо тетушки светилось от счастья, когда она переступила порог кабинета Сэма Хейли, докто-

ра психиатрических наук, ее обожаемого племянника и уважаемого в медицинских кругах специалиста. Сэм проработал в интернатуре чуть дольше, чтобы лучше ознакомиться со всеми нюансами выбранной специализации. Он с удовольствием перенимал опыт старших коллег и прислушивался к их советам и мнениям, уважительно принимая во внимание даже самые нелепые теории.

На встречах выпускников старался не выделяться и не привлекать к себе внимания, а напротив, предпочитал держаться в стороне и слушать. Умение слушать было его отличительной чертой, и однокурсники часто шутили о том, что при выборе специализации Сэму явно не пришлось долго думать с его-то «терпеливыми» ушами. Сэм улыбался и никогда не пытался спорить, доказывая обратное или объясняя истинную причину своего выбора, его вполне устраивало сложившееся о нем мнение коллег.

Несмотря на успешную карьеру и очень приятную внешность, Сэм не стремился устроить свою личную жизнь. Получив по наследству незавидное положение носителя гена гемофилии¹ группы А, он успел потерять надежду на счастливую семейную жизнь, похоронив своего ребенка сразу после его появления на свет. Врачи диагностировали внутреннее кровоизлияние, несовместимое с жизнью. Жена Сэма отка-

¹ Гемофилия – это наследственное заболевание, связанное с нарушением функции свертывания крови в результате генетических нарушений. При этом заболевании возникают кровоизлияния в суставы, мышцы и внутренние органы.

залась верить в реальность происходящего, не смогла справиться с ударом и постепенно угасла. Сэм всегда находил спасение в работе и долго не мог простить себе того, что позволил ей сдаться, не оказался рядом в минуты крайнего отчаяния.

Но теперь все это было далеко позади, и доктор учился жить заново, каждый день собирая по крупичкам остатки собственной души посредством помощи нуждающимся.

На работу доктор Сэм Хейли, как обычно, поехал в объезд через кварталы с дешевым, но вполне безопасным и уютным жильем.

Заехав по дороге в сигаретную лавку, Сэм припарковал свой «Мини Купер» неподалеку от пожарного гидранта, рискуя получить за это немалый штраф, но мест больше не было, а он не собирался здесь задерживаться надолго. Выкурив сигарету, Сэм наконец вышел из машины и направился к одному из домов на противоположной стороне улицы, обходя и перепрыгивая многочисленные мелкие лужицы, которые задержались на дороге после вчерашнего дождя, украшая собой унылые местные пейзажи. Лужи придавали привычной серости этой части города чуть больше красок, отражая кусочки неба с волочащимися по нему облаками, и изредка ловили пролетающих мимо птиц.

Мальчишка Эрик, симпатичный десятилетний сорванец, переминался с ноги на ногу на пороге собственного лома, когда доктор остановился напротив. Сэм заметил на его ногах

ботинки, совсем новые, с еще блестящей кожей и аккуратно завязанными шнурками. «Жизнь налаживается», – подумал доктор и улыбнулся. Потом подошел к мальчику и потрепал его по макушке.

– Ну что, опять пару схлопотал? – Сэм по-отечески улыбнулся.

– Ага, – виновато отозвался мальчуган. – Опять математичка не стала слушать моих оправданий, а я ведь и правда маме помогал вчера. Она так расстроится.

Он вздохнул и как бы невзначай перевел взгляд на свои новые ботиночки, ожидая, что доктор наконец заметит и скажет что-нибудь по этому поводу.

Сэм проследил за его взглядом и решил не разочаровывать Эрика:

– Крутые ботинки! – его лицо изобразило неподдельный восторг. – Новые совсем, не жмут? Не натирают?

– Да, новые! – воскликнул Эрик. – Совсем новые! Я сам выбрал! Мама купила мне! У меня даже коробка есть, и продавец дал гарантию на тридцать дней. Представляешь, если что-нибудь с ними случится за тридцать дней, то я могу принести их обратно, и мне поменяют на другие, такие же совершенно новые ботинки!

Эрик рассказывал о приобретении с энтузиазмом и восторгом, слегка подпрыгивая на месте. Новые ботинки... Он так давно о них мечтал, донашивая чужую старую обувь – — единственное, что его мать долгое время могла позволить

для своего сына. Но теперь Эрик был абсолютно счастлив в своих новых ботинках, ведь это означало, что у них с матерью началась новая жизнь.

Теперь все наконец изменится, и над ним больше не будут смеяться в школе, обзывая старьевщиком. Сэм невольно вспомнил свое нелегкое детство, его так же дразнили в школе, потому что он донашивал старые вещи соседских детей, собирая по копейке на образование и не позволяя себе роскоши обновок. Только раз тетушка купила ему новый костюм, когда он заканчивал школу и по ее подсчетам денег на образование уже вполне хватало. Он не в обиде на нее, она все сделала правильно, и поэтому сейчас он может искренне радоваться вместе с этим простодушным мальчугоном его обновке.

– Я так за тебя рад! – Сэм легонько похлопал Эрика по спине.

– Да, но всю картину портит моя двойка. Мама так старается, а я ее подвел.

– Ничего, главное, что ты знаешь, что прав, а оценки, да кому они нужны. Пойдем, я поговорю с твоей мамой.

– Спасибо, друг! – Эрик снова оживился и, не откладывая более, постучал в дверь.

Через минуту дверь открыли. Мама Эрика, женщина, родившая ребенка после сорока, что называется «для себя», встретила их улыбкой.

– Доктор, как я рада вас видеть! Что-то ты задержался се-

годня, – обратилась она к сыну, помогая ему снять тяжелый рюкзак с учебниками. – Все в порядке?

– Да, мам, – мальчик потупил взгляд, присел на пуфик у двери и начал медленно развязывать шнурки и аккуратно стягивать ботинки. – Ты только не расстраивайся сильно, ладно? Я исправлю двойку, просто эта училка, она, понимаешь, она меня не любит. Все время цепляется, – он наконец стянул оба ботинка и поднял голову в ожидании реакции матери.

– Не переживай, мой хороший, я совсем не расстроилась. Ты же у меня очень умный и способный, уж я-то знаю. Беги мой ручки, сейчас будем обедать.

Она обняла Эрика и, чуть шлепнув по спине, отправила в ванную. Эрик не сразу отправился мыть руки, сперва он достал из стенного шкафа обувную коробку и, бережно сложив в нее свои ботинки, убрал обратно в шкаф. Потом подпрыгнул и, напевая какую-то веселую песенку, побежал в ванную.

– Доктор, вы присоединитесь к нам?

– Спасибо, Эли, я только что от тетушки. Вот, кстати, она испекла свой коронный пирог с курицей, – он протянул ей сверток. – Угощайтесь. – Потом, немного помешкав, продолжил: – Эли, у вас все в порядке? Как вы себя чувствуете? Вам нужна помощь?

– О, Сэм, спасибо. Вы так к нам добры, – она старалась скрыть смущение и наворачивающиеся слезы. – Все хорошо. Спасибо вам.

– Как на новой работе? Оплата достойная, вам хватает?

– Да, да, все хорошо. Мне предложили новую должность, с полной медицинской страховкой, пенсионным счетом и еще некоторыми бенефитами². Я начинаю со следующей недели, придется попотеть первое время, но я справлюсь, я уверена! – голос Эли был полон надежд и уверенности. – Только вот придется чуть меньше времени уделять Эрику, но он понимает, помогает мне очень. И вот, вы же видели его ботиночки. Он так счастлив.

– Он у вас умница. Вы можете им гордиться.

– Да, он старается. Спасибо вам, доктор, за все, – Эли подошла к Сэму и обняла его. – Я давно хотела вам сказать, да вы и сами знаете, в общем, если бы не вы, тогда... – на ее глазах начинали проступать капельки, но Эли сдержалась: – Я бы... мы бы... не справились...

– Ну что вы, Эли, не стоит, я же врач. В конце концов, я должен помогать людям, – Сэм улыбнулся, чуть смутившись.

– У нас теперь действительно все хорошо. Скоро мне больше не придется работать по вечерам, нам с Эриком будет хватать на жизнь. Кстати, я стараюсь откладывать понемногу, чтобы... ну... Вернуть вам долг... Я...

– Эли, нет никакого долга, все хорошо. Я забуду обо всех расходах при одном условии, – Сэм заговорщически улыбнулся, в глазах Эли промелькнуло чуть заметное сомнение.

² Бенефит – в США деньги, выделяемые работодателем (помимо зарплаты) на оплату лечения, обучения, отпуска и т. д.

– Каком?

– Обещайте мне, что будете счастливы.

Эли сдалась, и слезы, покинув свое укрытие, потекли по ее лицу.

– Мне пора, – Сэм обнял женщину. – Возможно, мне скоро придется уехать из города. Может быть, надолго, так что я рад, что вы в порядке, но если что, Эли, я оставлю вам адрес и телефон. И я настоятельно прошу, вы знаете, в любое время, пожалуйста, и никакого стеснения, это ведь моя работа – помогать. Так что, пожалуйста, я вас очень прошу, если что. Не ради себя, ради него, – он указал в сторону ванной.

– Да, да, не сомневайтесь. Я больше... я... Теперь я справлюсь.

Эрик выбежал из ванной, подскочил к Сэму и потянул его за рукав:

– Пойдемте кушать, я такой голодный.

Сэм обнял мальчика и шепнул на ухо:

– Ты знаешь мой номер. Если что, я всегда приду вам с мамой на помощь! Не забывай, что вы не одни. Ты молодец. А математичка, не обращай на нее внимания! Наверное, ее в детстве не любили родители, и она просто завидует, что у тебя есть мама и что она тебя любит. Это самое главное. Никогда не сдавайся, – Сэм выпрямился. – Ну, все, мне пора бежать.

Он улыбнулся и вышел за дверь, подумав про себя, что будет скучать по этой парочке. Но у них уже все хорошо, они

могут жить и без его участия, а в мире еще столько людей, кому нужна его помощь, и ему пора идти дальше.

Сэм вернулся к машине, чуть играючи перепрыгнув все встретившиеся на пути лужи, повернул ключ в зажигании и, прикурив сигарету, тронулся с места.

Объехав еще несколько домов своих «добровольных подопечных» – так он называл людей, кому по доброте своей оказывал посильную помощь, Сэм направился в офис.

Его логика была проста: раз уж он не мог иметь детей, но очень их любил, Сэм решил разделить свою жизнь пополам. Одну часть посвятить работе ради заработка, а вторую, большую часть – помощи семьям, попавшим в трудную ситуацию. Как правило, это были неполные семьи, в основном мамы, по тем или иным причинам оставшиеся одни с детьми и наедине с миром и всеми его невзгодами.

Ему самому, как он решил, много не нужно, с собой, в конце концов, ничего не заберешь, наследников у него не предвиделось. А так его вполне устраивает и маленькая квартирка, и немного денег на ежедневные расходы, все остальное он тратил на помощь другим: покупал продукты, помогал снять жилье и оплатить его на пару месяцев вперед, пока мать не выберется из сложной ситуации. Помогал находить работу, устраивать детей в детские сады и приличные школы на льготных условиях. Делал все, чтобы наладить жизнь своих подопечных. И как только ситуация выравнивалась, он оставлял их жить своей жизнью, справляться с труд-

ностями, но уже с новыми силами, надеждами и большей уверенностью.

В общем, был своего рода ангелом-хранителем для многих попавших в нежданную беду детишек и их родных.

Сэм не любил развлечений, его никогда не привлекали огни ночного города и бессмысленные хмельные беседы с пошлыми шутками и часто откровенной глупостью. Работа владела им полностью. В рабочее время он в основном вел прием «коммерческих» пациентов, а все остальное время посвящал своему исследованию психических расстройств, связанных с детскими «невидимыми», как он их называл, травмами. Спал он мало и в основном тревожно, принимая близко к сердцу переживания своих подопечных и обдумывая всевозможные пути развития того или иного случая в детской психике. И пытался предсказать, как эти травмы скажутся на поведении в период взросления, чтобы постараться если и не свести на нет, то хотя бы минимизировать отклонения. Тем не менее здоровью его можно было позавидовать.

Наконец-то он доехал до офиса, не опоздав ни на минуту, как, впрочем, в большинстве случаев – пунктуальность была еще одной неотъемлемой чертой Сэма. Офис был его вторым домом. Там он проводил большую часть своего времени, прячась от мыслей о прошлом и надежд на будущее.

4

– Опять царапина! – раздался недовольный женский голос. Она схватила зеркало и уставилась на свое отражение, разглядывая неглубокую свежую царапину на правой щеке возле носа. – А если я тебе лицо расцарапаю, тебе понравится? – швырнув зеркало на кровать, она подошла к ребенку, который сидел на полу в окружении своих игрушек.

Короткие, криво стриженные волосы, безликая застиранная одежда и неумытое лицо с огромными часто моргающими глазами. Ребенок выглядел испуганным, но плакать не решался, давя в себе подкатывающийся ком истерики и не смея пошевелиться. Женщина схватила малыша за плечи и начала трясти. Ребенок продолжал молчать и испуганно смотреть на мать. Казалось, что для ребенка, хотя он и был напуган, ничего необычного в действиях матери не было. Вдруг ее раздражение резко сменилось смирением, взгляд забегал по комнате, она отпустила плечи ребенка и села на пол, уставившись в одну точку.

– Это я виновата, да, я. Я во всем виновата. Ты ни при чем. Это все я, я одна. Из меня вышла плохая дочь. Я плохая. Плохая мать... – она почти заплакала, но внезапно успокоилась и, улыбнувшись, продолжила: – Кажется, нам пора подстричь ногти.

Она посадила ребенка в кроватку и вышла из комнаты.

Найдя на кухне ножницы, вернулась. Ребенок сидел, забившись в угол кроватки, и нервно теребил рукава своей кофточки. Она наклонилась, взяла ребенка и усадила на пеленальный стол. Ребенок не пытался сопротивляться, даже не шевелился. Если бы не частое дыхание и моргающие глазки с тревожным взглядом, то можно было бы принять живое дитя за отлично сделанную куклу.

– Не двигайся! – тон женщины снова поменялся, голос звучал холодно и безучастно, взгляд был затуманен. – Не смей шевелиться! – Ее глаза округлились и налились кровью: – Иначе я сделаю тебе больно, очень больно! Больно! Как ты мне, совсем как ты мне. Мне больно! – ее руки дрожали.

Ребенок молчал, маленькое тельце дрожало от страха, малыш привык бояться, чувство страха для него было так же естественно, как чувства голода и холода.

– Вот так, аккуратно. Осторожно, я тебе покажу, как делать мне больно. Я не позволю никому делать мне больно.

Дрожащими пальцами она зажала маленькую пухленькую ручку и попыталась остричь ноготки на пальчиках левой руки. Ребенок неожиданно дернулся, и это окончательно вывело мать из себя, ее как будто ударили по голове. Она вздрогнула, дернула его руку и резко надавила на ножницы. Ее взгляд был прикован к стене, она даже не смотрела на ребенка в этот момент, она находилась в другом пространстве, отсутствовала, но ее пальцы продолжали держать ручку ре-

бенка и с силой сжимать ножницы.

Это был пронзительный крик, крик, задыхающийся от боли, беспомощный крик, одичавшие глаза, наполненные страхом и немым вопросом: «За что, мама?».

Звук истошного детского крика наконец вернул ее в реальность, она пришла в себя и обомлела от увиденного кошмара. Ребенок лежал на пеленальном столе и кричал, все вокруг было в крови, слезы заливали маленькое детское личико, ребенок ревел, задыхаясь от боли и ужаса. Она выронила ножницы из рук и еще минуту не могла понять, что же произошло, кто поранил ее малыша. Осознав весь ужас содеянного, в панике она схватила ребенка и понесла его в ванную, промыв раны, выбежала на кухню и стала искать хоть какое-то обеззараживающее средство, положив ребенка на холодный пол. Наконец она нашла перекись водорода и залила им раны.

Ребенок продолжал кричать, она плакала и не могла поверить, что причинила боль единственному родному существу. Обработав раны перекисью, она перевязала искалеченную ручку с двумя обрубленными пальчиками бинтом, дала ребенку сильное обезболивающее, прописанное ей самой после родов. Отломив маленькую часть таблетки, раскрошила ее и растворила в стакане с молоком. Лекарство скоро подействовало, и ребенок успокоился. Она продолжала плакать, тихо, безнадежно. Ей все это казалось страшным сном. Она шептала: «Мама, скоро придет мама. И нам будет лег-

че, намного легче. Мама. Мама». Немного успокоившись, она набралась смелости войти в комнату и убрать все следы недавнего происшествия. Ребенок уснул, а она отмывала пятна крови и тихо напевала себе под нос песенку:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю³.

Она слышала ее в детстве, в далеком туманном детстве, как будто в другой жизни. Наконец все было убрано, она окончательно успокоилась и решила, что больше такого не допустит, это было случайностью, она совсем не хотела поранить малыша. Она любит своего ребенка. Любит настолько, насколько умеет любить. Если вообще умеет. Если все-таки любит. Она должна быть хорошей матерью, ребенок – это все, что у нее есть.

Усталость валила ее с ног. Было поздно. За окном завывал холодный ветер. Нужно было поспать. Завтра рано вставать, нужно работать. Она подняла температуру на терморегуляторе, и батареи глухо загудели. Мерный монотонный шум ее

³ Лермонтов М. Ю. Казачья колыбельная песня.

успокаивал, казалось, она переставала слышать собственные мысли. Наконец она провалилась в липкий болезненный сон.

Джина сегодня была особенно приветлива – не удивительно, ведь сегодня пятница! Конец рабочей недели, а на выходные у нее как всегда куча планов. Ее роман перерастал в нечто большее, и Джина не скрывала радости по этому поводу. Ведь несмотря на все заверения в том, что она девушка самостоятельная, самодостаточная и никакая она не половинка кого-то там, а абсолютно цельное существо, ей, как и любому человеку вообще, очень не хватало верного партнера, который принял бы ее со всеми недостатками и пошел по жизни рядом.

В тайне она все еще надеялась стать матерью. «Ведь сейчас это не проблема, женщины рожают первого ребенка и после сорока. Конечно, существует риск, но ведь он существует и у молодых рожениц, в конце концов, на все воля Божья», – думала Джина и надеялась на лучшее. Ее оптимизму можно было позавидовать. После стольких неудачных романов она все еще верила мужчинам и каждый раз бросалась в омут с головой, как в первый раз, доверяя всю себя и отдавая все, что у нее было. Предыдущий неудачный роман, казалось, вымотал ее окончательно, но нет, ей хватило месяца, чтобы оправиться от случившегося и снова вернуться в строй бесчисленной армии, сражающейся повсеместно на любовных фронтах.

Бывший кавалер, на которого Джина делала долгосрочные прогнозы, испарился одним дождливым утром, выйдя до соседнего кафе за завтраком и прихватив с собой все более или менее ценные украшения Джины. Она прождала его весь день, не желая верить в то, что он и не собирается возвращаться. Она искренне переживала за него, собралась было обратиться в полицию, но не нашла ни единой фотографии, ни одной вещи своего ухажера, еще с утра претендующего на звание жениха. Сперва Джина убедила себя, что это ее вина, что она слишком на него давила, и он в итоге испугался их стремительно развивавшихся отношений.

Она где-то когда-то читала о том, что все мужчины боятся ответственности, и им нужно время, чтобы принять факт грядущей несвободы. Джина немного себя успокоила и решила, что ему просто нужно время, может, день-другой, а может, и неделя. Но прошла вторая неделя, за ней третья, а от суженого вестей не поступало. Джина рассердилась и решила, что устала сидеть дома и ждать, пока он соблаговолит смириться с потерей статуса холостяка. Она надела свой лучший наряд и собралась пойти выпить в тот самый бар, где они когда-то познакомились. Она была уверена, что найдет его там, ведь во время знакомства, несколько месяцев назад, ей показалось, что он завсегдатай этого заведения, потому что бармен общался с ним как со старым знакомым, называя его по имени, а официантки, не дожидаясь заказа, приносили напитки согласно его капризному вкусу, и это бросалось

в глаза даже ненаблюдательной Джине.

Напялив единственные туфли на высоком каблуке и изобразив на лице беззаботность, Джина решила закончить образ и надеть все свои драгоценности, если так можно было назвать пару золотых колец, золотую брошь и тоненькую платиновую цепочку с маленьким кулоном, украшенным крошечным брильянтом посередине, именно в тот момент она и обнаружила пропажу. Сказать, что Джина расстроилась, это не сказать ничего.

Глухая боль сдавила ее грудь, как будто ее сильно ударили, только изнутри. Она так дорожила этими милыми вещичками, оставленными в наследство ее бабушкой, а теперь их нет. Это окончательно уверило ее в том, что жених не вернется. Идти в полицию Джине было стыдно, да и станут ли они разбираться с такой мелочью. В конце концов, как она докажет, что не сама отдала ему свои украшения, а теперь, когда он ее бросил, решила отыгаться из ревности и обиды. Ей меньше всего хотелось оправдываться за свои неудачи в личной жизни перед чужими людьми, и она решила принять все случившееся как урок и двигаться дальше.

Тем вечером она все-таки пошла в бар, решив «залить» свое несчастье и поплакаться случайному знакомому у барной стойки. Так она и поступила. Не переодеваясь, Джина отправилась в бар на соседней улице и заняла единственное свободное место за барной стойкой у самого конца бара на углу, рядом с туалетом.

Джина не была настроена оптимистично и не ждала от этого вечера ничего, кроме грядущего утреннего похмеля, и незаметное место в углу было как раз под стать ее настроению. Она заказала двойной мартини с двумя дополнительными оливками и около часа просидела, медленно потягивая свой напиток и рассматривая искрящиеся чистотой стаканы, который ютились слева от нее. Люди на соседнем стуле менялись каждые несколько минут. Подходили, присаживались, делали заказ и, забрав свой напиток, уходили вглубь заведения. Никто не горел желанием задерживаться на «пяточке» у туалета.

Джина перестала обращать внимание на соседний стул и его непостоянных гостей. Очередной мужчина присел на стул рядом с Джиной и сделал свой заказ, но, получив напиток, он не сдвинулся с места и не затерялся в толпе гогочущих посетителей, а остался сидеть рядом с Джиной, то и дело робко поглядывая в ее сторону. Она не сразу его заметила, погружившись в свои грустные мысли, она вспоминала потерянные навсегда милые сердцу вещицы и тосковала по тем дням, когда они еще принадлежали ее бабушке. Мужчина, сидящий рядом с ней, заметил, что ее стакан почти пуст, и заказал ей еще один, подав знак бармену. Когда бармен поставил перед Джиной стакан с новой порцией мартини, она не сразу сообразила, что это для нее, и вопросительно посмотрела на него, а мужчина наконец набрался смелости и заговорил с ней:

– Я прошу прощения, но я взял на себя смелость угостить вас, если вы не против, конечно. Я пойму, если это вас разозлит, но очень надеюсь на вашу снисходительность.

Джину как холодной водой облили. Она пришла в себя, вернулась на землю из тайников памяти, но, смутившись от неожиданности, не сразу нашлась, что ответить. Мужчина заметил ее смущение и продолжил:

– Позвольте представиться. Меня зовут Мэтью Стивенс. Я прохожу практику в ветеринарной клинике, здесь за углом. Сегодня был тяжелый день, я первый раз сам оперировал собаку. Ну как оперировал, это должно было быть простой стерилизацией, но в ходе операции я обнаружил опухоль, слава богу, доброкачественную, но тем не менее. В общем, пришлось попотеть, чтобы ее удалить. Я все сделал сам, в первый раз. И вот я здесь. – Он выговорил все это на одном дыхании, потом сделал короткую паузу и снова заговорил: – Решил выпить. Так сказать, отпраздновать успех. Но я тут никого не знаю, а мне показалось, что вы заскучали или просто грустите, вот я и позволил себе сделать вам приятное, не откажитесь отпраздновать со мной?

Пока он говорил, Джина украдкой рассматривала его, и он даже успел ей понравиться. Более того, он показался ей милым и забавным. Судя по всему, мужчина был высокого роста: он сидел чуть сгорбившись и положив обе руки на барную стойку, но не держался при этом за свой стакан. Высокий лоб, среднего размера нос с ярко выраженной гор-

бинкой, глубоко посаженные, но очень выразительные серые глаза, узкие губы и редкая щетина точно такого же рыжего цвета, как и отросшие волосы на голове. Джина улыбнулась ему и ответила:

– Нет-нет, я совсем не против. Спасибо за мартини, – она придвинула к себе стакан, потом подняла его: – За ваш успех!

Мэтью поднял свой, Джина поднесла свой стакан к его и слегка стукнула по нему.

– Чин-чин⁴, – она улыбнулась и посмотрела новому знакомому в глаза.

Мэтью не отвел взгляда, он замер на секунду, потом улыбнулся, и они оба сделали по глотку.

В тот вечер они болтали без умолку. Джина напрочь забыла о своем очередном неудачном романе, а Мэтью больше не чувствовал себя одиноким. Он проводил ее до дома, но, как истинный джентльмен, отказался от приглашения на кофе и ограничился лишь робким поцелуем в щеку, что привело Джину в восторг, ведь обычно все ее кавалеры сами напрашивались в гости «на кофе» в первый же вечер знакомства. Она по простоте душевной и с долей надежды редко кому отказывала.

Но Мэтью показался ей совсем не таким, как все предыдущие ее истории. Хорошо воспитанный, учтивый и интеллигентный, порой слишком скромный, он смотрел на нее со-

⁴ «За ваше здоровье!» (тост).

всем другими глазами. Джине казалось, что от одного его взгляда ей становится теплей. Они обменялись телефонами и закончили вечер в одиночестве в своих кроватях, но с мечтами друг о друге.

И вот сегодня, всего три месяца после счастливого знакомства, на вечер у Джины был запланирован ужин с родителями Мэтью. Она немного нервничала, это второй раз в жизни, когда ее парень знакомит со своими родителями, для нее это было поистине многозначительное событие.

6

– Доктор немного задерживается, он попросил вас подождать. Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Анна, могу я предложить вам что-нибудь?

– Чай, если можно, пожалуйста.

– Конечно! Одну минуточку, – Джина скрылась в потемках офисной кухни.

Анна не хотела чаю, но ей было приятно, что за ней поухаживают.

– Спасибо, Джина, вы сегодня очень хорошо выглядите!

– О, благодарю вас, мисс Анна! – Джина заметно оживилась. – Я все утро потратила на прическу и макияж, даже пришлось подняться раньше на целый час! – она поправила прическу. – Обычно я собираюсь довольно быстро, каких-то полчаса хватает на все, ну это если не считать времени на завтрак, а сегодня я потратила целых два часа и даже не успела позавтракать.

Джина говорила все это быстро, с долей восторга, удивляясь сама себе, ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь спросил о причине, пусть даже пациентка, которую Джина считала ненормальной из-за ее порою странного поведения.

– Наверняка у вас есть повод, – догадалась спросить Анна.

– О да, мисс Анна, конечно, есть! – Джина обрадовалась возможности поделиться хоть с кем-нибудь и не упустила

ее: – Мой молодой человек уговорил меня познакомиться с его родителями. Я, конечно, не видела в этом надобности, – слукавила Джина, – ведь мы встречаемся всего несколько месяцев, но он так настаивал, что мне пришлось согласиться. У нас сегодня ужин в ресторане «Сиксти», знаете, это на шестидесятом этаже отеля «Хаятт», в Мидтауне⁵, оттуда прекрасный вид, и еще ресторан вращается по своей оси так, что можно увидеть панораму с разных точек зрения, если можно так выразиться. Мне даже пришлось купить туфли на высоком каблуке, они у меня под столом, я надену их непосредственно перед выходом, не хочу, чтобы ноги устали заранее, и, конечно же, платье! Пришлось тащить все с собой на работу, не надевать же вечерний наряд с утра пораньше! – Джина радостно засмеялась.

Она так была занята рассказом, что не обратила внимание на Анну, которая совершенно ее не слушала, а была полностью погружена в себя. Но Джине, признаться, было все равно, слушают ее или нет. Она очень хотела выговориться и воспользовалась своим шансом. Джина вернулась за свой рабочий стол, напевая веселую песенку. Анна сидела на диване с печеньем в руках, она так и не раскрыла упаковку и не сделала ни глотка принесенного ей чая, она давно уже погрузилась в собственные мысли и не обращала внимания на происходящее вокруг.

Доктор опоздал на двадцать минут, извинившись, он про-

⁵ Мидтаун (англ. Midtown) центр города в США.

следовал в кабинет, минуты через две пригласил Анну.

– Пожалуйста, присаживайтесь, Анна, – Сэм указал на кушетку.

Анна села, как обычно взяв с полки глиняную фигуру небывалого уродливого животного, ей так было легче говорить. Она представляла, что говорит с фигурой, а не с человеком, она не хотела, чтобы кто-то слышал все то, что она иногда рассказывала. Ей казалось, что некоторые вещи лучше вообще не произносить вслух, а глиняной фигурке было все равно, она бы не стала осуждать человека, что бы тот ни сотворил.

– Вы хотели поговорить о тишине, доктор, – тихо сказала Анна. – Я много думала об этом, но мне нечего вам сказать. Я не нахожу слов, чтобы описать то, что чувствую.

Сэму показалось, что Анне стало чуть лучше по сравнению с их последней встречей. Ее взгляд немного прояснился, привычный тремор оставил ее руки в покое, она выглядела абсолютно спокойной и нормальной настолько, насколько вообще можно судить о нормальности человека по его внешнему виду. Доктор рискнул поднять давно интересующую его тему.

– Давайте поговорим о ребенке или о его отце, – предложил Сэм.

Анна изменилась в лице. Взгляд потерял точку опоры и снова стал рассеянным. Доктору показалось, что он физически ощутил всю тяжесть груза, который Анна волокла

за собой и никак не могла скинуть – ни сама, ни с его помощью. Ему показалось, что и сама фигура девушки мгновенно потяжелела и потемнела, как будто налилась ядовитыми соками раненого сознания.

– Я люблю ребенка, ребенок это все, что у меня есть, – медленно, монотонно, четко проговаривая каждое слово, произнесла Анна.

Это были не ее слова, не ее голос, а как будто заученная по чьему-то научению фраза. Слова, которые должны были бы нести в себе определенные эмоции, звучали настолько мертво и безжизненно, что у доктора не осталось сомнений: ребенок и все, что с ним связано, – самая болезненная тема, а возможно, и причина, по которой Анна поддалась заболеванию.

– Плач превращается в рев. Глухой рев, как будто что-то его раздирает изнутри, просится наружу, но никак не может освободиться. Крик... Каждую ночь. Я не сплю. Я устала, – Анна продолжала говорить монотонно, но уже не так четко и внятно. Доктору требовалось все его внимание, чтобы разобрать некоторые ее слова.

– Возможно, ваш ребенок чувствует ваше состояние, и это его тревожит. Давно не секрет, что дети очень сильно отражают моральное и психическое состояние своих родителей. Постарайтесь успокоиться, и ребенок последует вашему примеру, – Сэм пытался вернуть ее в реальность, говорил громко, даже встал со своего кресла и подошел ближе, как будто

стараясь обратить на себя ее внимание. – Анна, подумайте, что могло бы вас успокоить. Что могло бы принести радость? Если бы можно было сделать все, все что угодно? Представьте на минуту, что у вас есть право на одно желание, чего бы вы хотели больше всего? – теперь голос Сэма звучал мягко, он как будто плыл. Такой легкий, спокойный голос, парящий в воздухе, медленно доплывающий до собеседника и окутывающий его своим теплом.

Анна подняла глаза и посмотрела на доктора, он стоял совсем близко, она слышала его беспокойное дыхание и чувствовала его запах. На мгновение он показался ей знакомым, и она как будто готова была узнать его и принять, но уже через секунду, передумав, перевела глаза на фигурку в своих руках и снова отдалилась, погрузившись в свой мир. Ее руки увлажнились настолько, что фигурка чуть не выскользнула, Анна подхватила ее машинально, в последний момент, и прижала к груди. В этот раз это было что-то похожее на коня, с глазами как у лягушки и мягкими лапами вместо копыт. Взгляд Анны застыл, она чуть наклонила голову вправо, как будто пытаясь разглядеть что-то вдалеке за спиной доктора, потом нахмурилась и заговорила, ее голос приобрел теперь неприятный металлический оттенок:

– Мы стригли ногти, – Анна наклонила голову еще больше вправо, чуть опустила вниз и зажмурилась. – Больно. Боже мой, как больно, как некрасиво! Кровь, я не люблю кровь! – потом она резко открыла глаза, выпрямилась и продолжила

уже спокойней: – Так гораздо лучше, так намного легче. Все пройдет, я буду заботиться о тебе, я должна заботиться.

– Анна, что-то случилось? Вы поранили ребенка? – Сэм не на шутку встревожился, он смотрел на нее и пытался понять, говорит ли она правду или это только ее больная фантазия. – Вы обратились к врачу? Обработали раны? Анна, прошу вас!

– Все хорошо. Ребенок это все, что у меня есть, – Анна снова повторила заученную фразу все тем же мертвым тоном.

– В таком состоянии вы можете навредить малышу, может быть, вы позволите мне помочь вам, – Сэм наконец решился предложить ей помощь, это было не так страшно, как ему казалось. – Если вы... Если не хотите, чтобы я... Есть люди, они смогут помочь вам, пожалуйста, Анна, они помогут вам и ребенку.

Сэм попытался посмотреть ей в глаза, но она не встретила его взгляда. Она сидела неподвижно, как будто закованная в кандалы, ее душа и сознание, не знавшие никогда свободы, не принадлежали ей и сейчас.

– Анна, вы могли бы привести своего ребенка на следующую нашу встречу? Может, я мог бы, если вы, конечно, позволите, заехать к вам и помочь?

– Помощь... Мама. Мама. Мария... Она меня любит, – Анна скривила губы в подобии улыбки, но все еще смотрела в никуда.

– Мария? Кто это? Это ваша мама или няня? Я помню, вы говорили, что вы плохо знаете свою мать, – Сэм замолчал, запутался в собственных мыслях и начал быстро перелистывать свой блокнот с записями по Анне, пытаясь найти пометку о матери Анны. Он точно знал, что ставил пометку и делал некоторые комментарии по этому важному поводу. Анна как будто не замечала его, она говорила с фигуркой, которая все еще была у нее в руках.

– Мария заботливая, – Анна снова прижала фигурку к груди и наклонила голову чуть вправо, – Мария – красивое имя. – Анна отвернулась к окну и произнесла чуть слышно: – Если бы у меня была девочка, я назвала бы ее Мария.

Сэм не услышал и пропустил эти слова, ему наконец удалось найти нужную заметку, и он делал какие-то новые записи в своем блокноте. Казалось, что карандаш скрипел по бумаге громче, чем Анна говорила.

– Анна, расскажите об отце ребенка, как вы познакомились? Он знает о том, что он отец? – Сэм внимательно смотрел на Анну, пытаясь поймать хоть какую-то эмоцию на ее лице, но оно оставалось неподвижным.

– Отец? – Анна вдруг подняла голову и уставилась на Сэма. Ее лицо изобразило озабоченность, было похоже, что она пытается что-то вспомнить, но ей это удастся с трудом. – Я не знаю. Отец... – легкая ухмылка скользнула по уголкам губ. – Я знаю, что он за человек... – ухмылка превратилась в злобную гримасу отвращения, один Бог знает, что виде-

лось ей в этот момент. Она снова говорила не с доктором, а в лучшем случае с фигуркой в своих руках: – Отец никогда не хотел знать о ребенке! Его не существует! – Анна вдруг сорвалась на крик, резко встала, подошла к окну и, чуть наклонившись вперед, прислонилась лбом к холодному стеклу, вцепившись одной рукой в отдернутый тюль. В другой руке она продолжала теревить фигурку. Закрыв глаза, она постояла так несколько минут, потом глубоко вздохнула и вернулась на кушетку.

Сэм решил больше не волновать ее сегодня и оставил болезненную тему семьи.

Остаток времени они говорили о разных вещах, которые, казалось, волновали Анну не меньше, чем семейные проблемы. Она жаловалась на то, что не может надеть кофточку с коротким рукавом на работу: ей холодно, кондиционер находится прямо над ее столом, на нее постоянно дует холодный воздух, и даже летом ей холодно. Она ведь так может заболеть и, чего доброго, умереть от болезни, поэтому ей приходится постоянно кутаться в теплые вещи. Были затронуты и довольно серьезные темы. Например, ее крайне волновали недавние события в Орландо. Американец, афганского происхождения, принадлежащий к группировке ИГИЛ⁶, расстрелял людей в ночном гей-клубе. Погибло около пятидесяти человек.

– Это страшно доктор, ведь все эти люди дороги кому-то.

⁶ Террористическая организация запрещена на территории РФ

Больно терять своих детей... – На мгновенье доктору показалось, что стеклянный взгляд вернулся, но ему это только показалось. Анна смотрела прямо перед собой, периодически переводя свой ясный, как белый день, взгляд на Сэма. Она вернула фигурку на место на полупустой полке, не забыла и про заимствованную в прошлый раз, незаметно достала ее из сумки и поставила рядом с сегодняшней.

– Вот так вот, просто потому, что кто-то решил, что его мнение более важно и единственно верное. Доктор, вы верите в Бога? – не дожидаясь ответа, Анна продолжила: – Я вот верю, но для меня Бог – это воля. Человеческая воля, сила мыслей и поступков. Вот люди, которые голодают, почему бы им не встать и не начать работать, проявить волю и силу, я сейчас не говорю о больных и убогих. Простые бездомные или попрошайки, или вечно жалующиеся на свою жизнь, что им стоит изменить ее? Ведь у них есть главное – есть сама жизнь! Возможность дышать, видеть, слышать, чувствовать. Они не калеки, да даже если и калеки, в наше время это не приговор, есть много мест занятости людей с разными недостатками, если можно их так назвать.

Нет образования – ничего страшного, это не повод унижаться до милостыни, ведь можно же пойти мыть посуду, полы, убирать улицы, все что угодно, в мире достаточно простой работы, но им удобнее просить, удобнее быть жертвами чего угодно: политического режима, обстоятельств, оправданий всегда хватает. Они просят Бога о помощи, о проще-

нии, а все, что им нужно, это увидеть Бога в себе самих. Собрать волю в кулак и начать двигаться! Не терять уверенности, думать, пытаться, знать, что однажды все будет хорошо, главное – не сдаваться. Но это трудно, потому что надо полагаться только на себя, надо принимать решения и нести за них ответственность.

Легче просить, легче винить невидимую силу в своих неудачах, всегда легче обвинить кого-то, чем признать собственную несостоятельность и слабость, легче воспользоваться чьим-то мнением и выводом, взять его за правило, нерушимую аксиому, призывающую к действию! – глаза Анны наполнила решительная ярость. – Ведь у них есть главный дар – жизнь, – повторила она, встала с кушетки и подошла к шкафу с фигурками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.